

К празднику Рождества Пресвятой Богородицы вода в Студёнке светлеет, особенно если небо высокое, открытое. Тогда рыбацкому глазу волнующе открываются ямные места, куда на зимние квартиры стекается здешняя рыба, вернее, её измельчавшие остатки.

Всё позднее лето Филипп Гробовой, комбайнёр из села Забугорье, не брал в руки дорогих его сердцу удил... Как-никак страда! Его хозяин фермер Иван Князев, кстати, бывший председатель бывшего Забугоренского колхоза-миллионера «Путь к коммунизму», в такое особое решительное время никому из работников ни минуты не давал передыху, а не то чтобы им выходные разлюли-малина устраивать.

Однако на осеннего преподобного Сергия Радонежского так-таки не стерпел Филипп и рискнул отпроситься на рыбалку. Урожай взяли хороший. Более чем. Как вдруг...

И Князев раздобрился.

– Не запей только! – строго приказал он своему лучшему комбайнёру-рекордсмену.

Филипп гордо оглянулся:

– Это как душа решит!

И улыбнулся собственной смелости.

В ночь перед рыбалкой приснилось Филиппу, будто он сидит на плечах каменной Бабы, вековечно стоявшей на кургане неподалёку от их села, и они с ней таким манером через всю страну идут, а преподобный Сергей в простой крестьянской рубахе и портках, опираясь на посох, глядит им вслед с пригорка своим тихим, чудесным взором.

Сон не понравился Филиппу. Уже пятый год, как забрали их каменную Бабу в городской музей, и с тех пор одни неприятности и у них в Забугорье, и в стране начались...

Под боком у Забугорья лицом на восход испокон веков на вершине здешнего кургана (летом вся утопшая в ярких ажурных васильках, зимой – в сугробах) стояла эта метров о трёх серо-коричневая обветренная каменная Баба с отвислым брюхом и плоскими титьками, но руками такими мощными, какие любого быка в бараний рог согнут. Так вот, эта махина тонны на четыре – скуластая да щекастая, одним словом мордатая, со взглядом по-особенному суровым, обретшим невиданную силу, – многотысячелетним, – явно была не от мира сего. Хоть и окрестил её Тимофей в шутку, улыбки ради,

«Инопланетянкой», но все забугоренцы тайно, в душе невольно чувствовали этой громадины особую над ними священную охранительную власть. Как у строгой матери над детками малыши. Так что издревле забугоренцы по воскресеньям две главные дороги знали: первая – на утреннюю службу в Бого-явленском монастыре, а потом, петлями, тайно – к кургану, Бабе поклониться и втихаря испросить у неё чего надобно. И многим она реально помогла и поныне памятно не оставляет заботой. Вернувшись из армии осенью после кампании в Южной Осетии в родной развалившийся колхоз «Заветы Ильича», Филипп три дня основательно смывал с себя самогоном пороховую вонь, а на четвёртый что-то неведомое повелело ему идти поклониться их каменной Матери матерей за то, что в живых остался у Цхинвали под ударами грузинских «Градов». Да тут Филипп в шутку заодно покаянно попросил у неё застревающим во рту языком «пару сотенок на похмель»: через месяц он выиграл в лотерею триста тысяч. Правда, счастливый билет Наталья тотчас взяла в свои руки. Благодаря этому они поныне невесть как свалившимся им на голову прибытком сносно держатся. У Князева и на комбайне по-человечески не заработаешь: штраф на штрафе за всякое мало-мальское нарушение.

Как ни таился Филипп, история с его лотерейным билетом всё-таки утекла в народ. В считанные дни возле их каменной Бабы самое настоящее столпотворение образовалось. Из сёл, близких и дальних, народ живо, суматошно подтянулся. Со стороны курган стал похож на облепившую его лихую ярмарку. Из самого Воронежа и даже столицы нашей Родины приезжали люди. Многие из них, судя по машинам и одежде, явно с высокими должностями. И везли этой каменной махине горстями слёзные записки с самыми разными просьбами, в основном насчёт здоровья и коммерческого везения, а также на всякий случай еду разную праздничную, спиртное дорожущее.

Никого не остановила ни усиленная критика такого мракобесия в телевизионных новостях, ни приезд из Воронежской митрополии батюшки, молодого, явно очень умного, бедами людскими сердечно озабоченного, который дня два вдохновенно читал нужные спасительные молитвы и с радостью, точнее с восторгом, окроплял насторожённую толпу у каменной Бабы святой водой с шустрого, птицей взлетающего над покаянными головами пушистого венчика. Не осталась в стороне и власть. И не только местная. Как-то поехал к забугоренцам с увещеваниями насчёт их Бабы сам председатель областного Совета депутатов, но по дороге в распадке, залитом таким густым туманом, что хоть кусками его нарежь, машина с номенклатурным номером-оберегом наскочила на фуру – со всеми вытекающими печальными последствиями.

А через неделю прикатил из области самосвал и увёз здешний талисман на хранение в городской краеведческий музей. В прибавку к уже жившим там на заднем дворе ещё шести другим вековечным каменным бабам, вырубленным древними мастерами на разный вкус и манер из серого песчаника. Забугоренская дама, правда, среди всех из них оказалась самая рослая, самая мордатая-грудатая и всем своим видом несопоставимо строгая, просто-таки величественная.

Как осиротели забугоренцы. Без неё жизнь в селе наперекосяк пошла, как лошадь, неправильно запряжённая.

Ещё тогда Филипп дал слово вернуть Бабу, чего бы это ему ни стоило.

...На рыбалку ушёл он на зорьке, – тихо, бережно собравшись, чтобы не беспокоить свою Наталью, но ни к вечеру, ни на другое утро и даже через три дня не объявился.

– Наглец... – жёстко напряглась Наталья.

Князев здороваться с ней перестал, уверенный, что Филипп опять с бутылкой в обнимку за своё взялся.

Ещё три дня проволочлись...

На четвёртый завывала Наталья. Бегаёт по двору из угла в угол. Через неделю, то ли Князев ему дозвонился, то ли оно так само собой вышло, но объявился в Забугорье участковый Юрка Протопопов, младший лейтенант полиции. Злой какой-то. Как видно, и его сюда не хотели пропускать. Какой-то воронежский миллиардер построил неподалёку от Забугорья пятиглавый замок на французский средневековый манер и перегородил к себе и заодно ко всем окрестным примечательным местам пути-дороги кованым железным забором. С одним единственным проходом-проездом через высоченный шлагбаум с массивной, грозной стрелой – такой и танк, если надо, остановит. Чтобы зазря людишки всякие, невесть откуда ни взявшиеся, туда-сюда не шмыгали бесконтрольно. Коль вознамерился посетить здешние распрекрасные во всех отношениях места, – будь готов предъявить ясный конкретный документ о своей личности и внести какую-никакую плату. Здешний народ поначалу проявил некоторое беспокойство такой новообретённой затворностью, но с плакатами на

главную площадь Воронежа так-таки не поехал. Его, народа этого, всего ничего осталось: дед Бурадино, прозванный так за его особый пиковый нос, бабка Буратиниха, одноглазая с детства, когда её соседская кобыла лягнула, потом же слабый на голову Тимофей лет пятидесяти, афганец, и вот они – Наталья с Филиппом. Зато на погосте под бугром среди пышных сосен с красно-бурыми духовитыми стволами, считай, полтысячи былых забугоренцев отстранённо возлежит. Но их никак не поднимешь уже до самого Судного дня. Последние забугоренцы люди вовсе безопасные, сердечно покорные всем обстоятельствам – и в силу своего достаточного возраста, и по здоровой мудрой отстранённости от общей жизни, в которой люди подозрительно вертляво озабочены стремлением к большому деньгам, заграничным путешествиям и прочим показушным развлечениям. Со временем и вовсе покладисто смирились забугоренцы со своей смирной отсоединённостью от ажиотажного человечества этим великанским защитным забором со сторожевым шлагбаумом, – ныне благодатно пребывают они в своей особой смирной жизни, простирающейся от Рождества до Рождества, даже не ведая иного счёта времени, кроме череды православных праздников.

Идти самой в розыск у Натальи как-то ноги не пошли: всё домашнее хозяйство с огородом, включая коз, корову и кур, было на ней. Кроме того, в ту пору бешеные лисы в их местах объявились, а гадюки, которым, по всему, уже полагалось свернуться бы клубком в своих глубоких норах, как никогда то и дело блестящими чёрными лентами скользко прошмыгивали в ёмкой густоте полёгшей рыжей травы.

...Лошадку участкового Наталья ещё на бугре заметила: та медленно, натужно вышагивала прихрамывая.

На телеге, которую кобылка согбенно волокла, сидел с неприятно напряжённым судорожным и бросово небритым лицом Юрка Протопопов в новенькой полицейской форме, тёмно-синей, считай чёрной. Люди знающие в своё время говорили про него, будто он в чеченском плену почти два года контуженный просидел в яме: битый, ломаный-переломанный, раз пять стреляный этот Юрка, младший лейтенант. Левая рука у него и сейчас как на ниточке болтается. Если приходится Юрке идти быстро, он её правой напряжённо прижимает к себе.

В телеге на соломе что-то ёмко и как-то нехорошо, несуразно лежало, накрытое старой выцветшей запашистой попоной.

Наталья невольно задержала какой-то вдруг сразу вмиг отяжелевший, насторожённый взгляд на этом «что-то» и вдруг с клёкотом, судорожно выдохнула, как чем-то неведомым поперхнулась. Не комарика ли, от чьей-то кровинки отяжелевшего, ненароком словила, рот удивлённо раззявив?

– А я до тебя ехал... – тупо усмехнулся участковый.

– Не темни... Чем я, дура слепая, старуха-развалюха, могу быть тебе полезна в твоих важных делах?... – напряжённо, тихо сказала Наталья и снова бдитительно, с неким невесть откуда взявшимся потаённым страхом покосилась на попоны, комкасто лежавшую в телеге явно поверх чего-то достаточно большого, объёмного.

– Ты баба ещё очень даже ничего! – хмыкнул Юрка. – Я, кстати, ещё подумаю насчёт тебя. А пока мне надо с твоей помощью исполнить одну сугубо официальную акцию. Ты только не вздумай сейчас орать на всю деревню или валиться оземь к моим ногам. А то народ подумает, что война какая-никакая опять началась! В общем, у меня в телеге труп лежит. Так сказать, «груз двести». Мужичий. Утопленник.

Судорожно, накосом открыв рот и всхрапнув, как старая лошадь участкового, Наталья рухнула на грудь Юрки. Да так сильно тыркнулась о него, что левая больная рука участкового назад за спину так энергично отлетела, точно он изо всей мочи замахнулся кого-то наповал лихо срубить.

– Ну, ну!.. Не сходи с ума... Предупреждал! – официально-холодно вскрикнул Юрка. – Ещё неизвестно, кого я в вашей Студёнке выловил. Соберись. Возьми себя в руки. Не дёргайся! Отцепись, зараза! Тебе придётся сейчас опознать труп. Хочешь не хочешь. Филипп это или кто-то ещё?.. При нём удочка была. Как видно, полез человек крючок отцепить, нечаянно оступился в яму, плотнул воды и задохся. Следов насилия нет. Не нашёл.

Резко отшатнувшись от участкового, Наталья вцепилась в борт телеги, губу до крови закусил.

– От-кры-вай... – глухо прорычала, зажмурясь с такой силой, что её лицо сузилось, как бы всё вперёд подавшись.

Юрка деловито, жестом человека, повидавшего толпу всяких разных жмуриков, приподнял попоны.

– Слезы мешают видеть... – покаялась Наталья.

– Сосредоточься. Вдох-выдох! – строго сказал участковый.

– Он... – дёрнулась Наталья.

– Как же ты эдак враз определила, если у него от лица одни ошмётки остались?

– Сердцем! – шепнула Наталья. – И по родинке на лбу...

Участковый сочувственно, но в то же время досадливо приоттолкнул её от телеги, решительно натянул попону на утопленника:

– Свидание окончено.

На второй день, на великомученицу Евфимию, одним жильцом прибыло на забугоренском погосте. При всём при том не в полотняном мешке из-под картошки похоронила Наталья мужа. Князев расчувствовался потерей лучшего комбайнёра, и не без его содействия ритуальщики из райцентра прибыли незамедлительно, как на десантном вертолёте, без проблем преодолев все дорожные препоны, включая миллиардеров шлагбаум. В тот же день красный гроб на крыльце у Натальи торжественно-скорбно торчком стал, покойного обмыли, и лицу его разными гримёрскими снадобьями не только придали человеческий облик, но сделали его таким красавцем, каким Филипп отродясь не был. Или это проступило у него на лице умиление от вдруг открывшегося ему во всём своём великолепии Царствия Небесного?..

Наталья виду не подавала, но через эту свою чуть ли не сияющую внешность муж ей каким-то чужим показался, словно она хоронила сейчас чужого ей человека. Может быть, через это и особых слёз у неё не увидели соседи, так что Буратиниха на поминках после третьей рюмки доброго самогона не преминула отметить, как бы никого конкретно не называя, что некоторые жёны радуются смерти своих благоверных, так как через то открывается им прямой путь бессовестно заводить шуры-муры налево и направо.

Ни муж Буратинихи, ни афганец Тимофей её не поддержали: им обоим Наталья нравилась, хотя всякому на свой манер. Веским козырем относительно её вдовьей правильности стало ещё и то, что сам Князев не только был на похоронах, не только оплатил все ритуальные расходы, но и велел похоронщикам незамедлительно поставить Филиппу памятную плиту из мраморной крошки с большой фотографией. Снимок сам выбирал из семейного фотоальбома Натальи, при этом как бы случайно несколько раз приобнял её за хорошую напряжённую талию.

– Зачем вы так?.. – тихо сказала Наталья.

– А что, не нравится? – строго усмехнулся Князев. – Ладно, я тебя обломаю. Погодя. Щас не с руки.

Памятник Филиппу стал первым приличным надгробием среди полуистлевших деревянных и железных ржавых крестов забугоренского кладбища. Он выглядел торжественно большим, важным и был виден издалека, особенно на солнце, отзвучиво брызжа ярким отсветом.

Тимофей сразу прозвал памятник «маяком».

После похорон, примерно через неделю, Филипп стал объявляться жене во снах и достаточно часто. Притом ничего не говорил, а просто сидел на корточках в сторонке и, морщась, покатывался со смеха. Во-первых, по жизни он никогда не смеялся и даже не улыбался, если только когда более чем хорошо выпьет. Во-вторых, лицо у Филиппа каждый раз было какое-то другое. То есть вовсе не его... Со своим он ей ни разу не показался.

Наталье стало страшно: она перестала спать и ночью со свечкой сидела под иконами до утра, – отсыпалась днём. Наконец, это сделалось невмоготу.

На Покров Пресвятой Богородицы Наталья собралась в район на праздничную службу в тамошнем огромном белоснежном Богоявленском монастыре. Вышла ранней раннего, в четыре утра, – шла полями, притокая сапогами в размякшем от дождей чернозёме. Ступала сердито, напористо. Ещё затемно уже была возле празднично освещённого замка. У шлагбаума охранники, пошалив с ней, правда, в основном на словах, так-таки пропустили её да ещё и бесплатно, из уважения к Филиппу.

Потом ещё час из последних сил она брела до автобусной остановки.

В храм на службу Наталья так-таки опоздала. В свечной лавке, испортив несколько записок от волнения, заказала на полгода Неусыпаемую Псалтирь рабу Божьему Филиппу и тайком окропила себе лицо святой водой из кружки на цепочке.

И помогло. С того дня покойник отстал каждую ночь являться.

Только через неделю, на апостола Фому, Наталья вновь увидела мужа. Только уже не во сне. И на этот раз тот был со своим лицом. Самым что ни на есть настоящим. Без ритуального красивого грима. Как маску снял.

Одним словом, в шестом часу утра собралась Наталья курам пшеница сыпнуть, а тут на крыльце Филипп, скукожившись, сидит. И его тряско колотит. Наталья хорошо знала такое за ним после

долгого злоупотребления известно чем. Видимо, не первый час он тут высиживал, а октябрь на этот год выдался не из тёплых. По крайней мере, второго бабьего лета они не дождались.

Наталья пошатнулась. В голове сразу стало горячо и тесно.

– Филюша...

– Я за него...

Наталья подхватила мужа подмышки, поволокла в дом. Через два шага в дверях неуклюже осела на деревянную приступку, заплакала, судорожно прижав Филиппа к себе. Его сердце словно у неё руках билось. Вернее, как пулемёт строчило. Замрёт ненадолго – и снова припустит.

Лекарство она знала. Верное. Всегда хранила на подобный случай. И знала, что сейчас ни до каких разбирательств, упрёков или бабского вытья, а действовать надо быстро и уверенно.

Филипп судорожно, громко всхрипывая, принял стакан содержательного свекольного самогона и упал лицом ей на колени.

Через полчаса он тихо, но явно оживающим, пробивающимся голосом произнёс:

– Спасла...

– Ещё будешь? – щедро, взволнованно шепнула Наталья.

– Потом... – едва проговорил Филипп не своим голосом: уже как бы из глубины вдруг начавшего ёмкого безбрежного сна.

Спал он два дня с пристрастным усердием. Спиной ко всему нынешнему миру, как влипнув в плюшевый коврик с оленями на стене. В комок судорожно сжавшись. Его сон напоминал некую загадочную внутреннюю работу: Филипп то и дело рывком, с силой переворачивался, как будто взлететь норовил, глухо кричал на каком-то непонятном, словно ненашенском языке, пару раз тихо, покаянно рыдал.

Когда такой его трудовой, напряжённый сон, наконец, истомлённо истратился, он впервые повернулся лицом к свету и по-детски, наивно вздохнул.

Наталья на колени перед ним опустила, чтобы говорить лицо в лицо.

– Выпьешь чуток? – бережно проговорила.

Филипп светло, нежно улыбнулся:

– Не желается.

Наталья счастливо зажмурилась.

– Какой-то ты на себя не похожий... Совсем другой. И с лица, и голосом... Я буду стесняться с тобой в постель лечь! Честно-честно... – застенчиво улыбнулась Наталья.

– Обвыкнешь... – мудро хмыкнул Филипп. – Я с того света вернулся! В прямом смысле слова.

...В тот день своего якобы утопления, на осеннего преподобного Сергия Радонежского, Филипп пробрался к Студёнке на привычное рыбацкое место: хозяин замка все земли окрест купил, так что охране было велено местных к реке отныне не подпускать. Даже сварной забор с когтистой колочкой везде выставили. Только Филиппа никогда и никакие препоны остановить не могли.

Выйдя к реке своими тайными ходами, Филипп вдруг обнаружил на берегу невесть как оказавшегося здесь неожиданного соперника.

– Я вам не помешаю? – первым заговорил «залётный» рыбак. Годами они были вроде как даже ровня и чем-то внешне похожи, одеты почти одинаково – кепки, фуфайки, резиновые сапоги. – Я случайно здесь. Ехал ловить совсем в другое место. На платное озеро. А как вашу живую речку увидел из окна автобуса, так и обомлел – какая красотища! Благодарь. Истинная Россия! Я, знаете, по профессии фотограф. Но тут вдруг вижу – колючая проволока, железные прутья. Хорошо, что охранники здешние с понятием. Поломались немного, но в итоге пройти разрешили. Правда, за тысячу рублей.

– Бизнес у них такой... – мудро сказал Филипп. – Да вы особенно не беспокойтесь. Место рыбное. Не пожалее! На нас с вами окуньков да плотвички хватит.

– Может, и по щучке добудем? – мягко улыбнулся сосед.

– И такое может случиться... Я на прошлой неделе трёх этих хищниц матёрых взял! – горделиво усмехнулся Филипп. – Вы старайтесь забросить поближе к зарослям. Вон там, где у вас ветла на воду легла. Осенью большая рыба обычно именно в этом месте стаями собирается. Смотришь, какая и заглотишь ваш крючок с дуру ума... Хотя они сейчас разборчивые, отъелись за лето.

– Спасибо за науку... – сосед мальчишески помахал Филиппу рукой и вежливо поспешил переместиться на новое место, подальше.

Филипп знал, что там самая глубокая большая яма и рыба в ней стоит уже, считай, уснувшая, не достать её, но дух соперничества в таком азартном деле был превыше всего.

– Ключёт!!! – вдруг вскрикнул фотограф, притом чуть ли не по-щелячи подвзвизгнув.

Филипп крайне ревниво покосился в его сторону.

– Крючок зацепился за водоросли... – констатировал небрежно, с усмешкой.

– Да, точно... – тоскливо отозвался напарник после нескольких робких попыток его сдёрнуть. –

Придётся лезть в воду.

– Не лучшее занятие... – вздохнул Филипп. – Там глыбко. Очень даже. И вообще это известное нехорошее место. Там у нас летом никто не купается. Боятся. Водяных!

– Крючок дорогой, жалко...

– Дело хозяйское...

Филипп раздумчиво достал пачку усманской ядерной «Примы», но, поняв, что у воды на ветру не прикурить, зашёл за густой куст со сцепившимися красно-бурыми ветками, который у них неизвестно почему называли «пёсья смерть».

Когда, уже накурившись, попыхивая последними залпами едучего дымка, вернулся назад, соседа нигде не было.

– Фотограф!.. – глухо вскрикнул Филипп.

Напряжённо огляделся.

Выждав минуту, почему-то осторожно, с оглядкой шагнул туда, где на песке у воды сейчас как-то одиноко, сиротливо лежал чужой рюкзак. Рельефные следы, как видно, ещё новых сапог однозначно вели к реке.

Впереди, метрах в шести, где была та самая «нехорошая» яма, лежала на воде, уже заметно приотпнув между водорослей, знакомая фуражка.

Тем не менее Филипп судорожно цапнул себя за голову. Своя была на месте.

Кепку фотографа на глазах медленно закручивало, утягивало течение.

«Нет, не может быть!.. – тревожно, горько подумал Филипп. – Он же не дитя малое! Как так?!!»

Настороженно пригляделся: нет ли всё-таки ряби или какого иного признака потаённого живого движения под водой. Вдруг залётный рыбак ещё жив и пытается бороться за своё спасение.

Было хотел броситься в воду на помощь, но вовремя устоял: всё равно уже поздно – река на раз взяла растяпу-фотографа.

Битый час сидел Филипп у воды на корточках. Вздыхал, морщился. Даже пару раз ослезился.

Когда, наконец, ушёл, снасти свои не взял. Как не до них было.

Правда, с полпути так-таки угрюмо вернулся, смотал удочки, свои и утопшего, невольно задержал взгляд на его аккуратном чистеньком рюкзаке.

Вдруг там документы какие есть? Тот же мобильный. У этого фотографа наверняка какие-никакие близкие есть. Жена, скажем. С виду мужик был достаточно ухоженный, а что одет по-простому, так это понятное дело. Не в костюме же с бабочкой ехать на рыбалку. В общем, надо бы сообщить кому следует о такой беде. Конечно, начнётся всякая разная мутата. Возможно, его, Филиппа, станут тягать на допросы, тянуть из него жилы, чтобы признался в убийстве или соучастии в оном. В итоге, смотришь, разберутся, но кровушки попьют досыта.

Филипп строго вздохнул, судорожными рывками распустил рюкзак утопленника. Хозяйство открылось ему ладное, хорошо, толково обустроенное: запасное импортное дорогущее складное удилице, поплавки к нему далеко не из дешёвых, эхолот Deeper Smart Sonar PRO тысяч за тридцать наших рубликов, антибликовые очки, грузило и коробочка разнокалиберных японских крючков такого качества, что глаза от них не отвести. Само собой, опарыш и мотыль. А ещё вакуумные ланч-боксы с аккуратно уложенными бутербродами: сочная бело-розовая грудинка, ядрёный сыр, разномастные паштеты. А как вершина вершин – две женственно аккуратные ёмкости «Киновского» пятизвёздочного.

– Эхма! – отчётливо вскрикнул Филипп.

Ещё раз бдительно посмотрел на воду. Лишь мелкая зернистая рябь настырно сыпалась против течения, как будто она существовала сама по себе.

«Прости, братишка... Не пропадать же добру...» – подумал Филипп и, выждав минуту, даже сознательно перекрестившись, закинул себе на спину увесистый рюкзак фотографа.

С ним часа через два он полевыми кособокими тропками вышел к матёрому грозному шлагбауму: охранники встретили его как всегда радостно.

После первой за помин души фотографа Филипп не остановился. Не затем начинал. Вся эта не-
лепая история, сто раз потом рассказанная им охранникам, а в другие дни их сменщикам, никак не
предполагала по глубинной своей мистической сути каких-то разумных конкретных поступков.

Филипп физически чувствовал себя в центре небывалого, невиданного им прежде никогда собы-
тия, в котором очевидно проглядывала во всей своей неумолимости, таинственности и могуществе
высшего смысла надмирная власть некоей неведомой, вездесущей и всеобъемлющей силы.

Он пил вдохновенно, самоотрешённо.

Тем не менее недели через три Филипп нашёл в себе силы заставить охранника позвонить участ-
ковому о несчастном случае на реке Студёнке.

Разговор вышел коротким, но таким, что после этот охранник, молодой парень, который лет пять
назад бросил школу в шестом классе, чтобы кормить больную мать, шархнул от Филиппа в угол
дежурки, по-настоящему побледнел. То есть лицо у него как бы вовсе исчезло.

– Ты, дяденька, кто?.. – сдавленно, как сквозь невыносимую боль, выдохнул молодой охранник.

– А ты, балбес недоучившийся, не знаешь?.. – судорожным глухим голосом ещё не похмеливше-
го человека усиленно сказал Филипп.

– Тебя же похоронили... – почти плаксиво отозвался охранник. – Вчерась, кажется... Это ты утоп
в речке! Участковый так и сказал. И памятник тебе есть у вас на кладбище в Забугорье. Чин-чинарём
стоит. Из мраморной крошки. Точно миллионеру какому.

– Эх, Русь-матушка... – уныло поморщился Филипп. – Везёт мне, как субботнему утопленнику, –
баню топить не надо.

Как бы там ни было, селом он в тот крайний ночной час шёл такими хитрыми потайными петля-
ми, чтобы забугоренцы его прежде времени не увидели. Или, увидев, не угадали...

Наталья как раз вышла на крыльцо, когда он уже леденеть начал. Ступала она тяжело, как-то тупо.

– Прости дурака дурацкого... – сознавая момент, тихо, бережно шепнул Филипп.

Так он всегда говорил, когда возвращался домой после усердного запоя на стороне.

Наталья судорожно напряглась – и словно на этом израсходовала все свои последние силы: об-
мякла. Вот-вот раскинется навзничь на крыльце.

Когда Филипп подхватил её на руки, она никак не хотела глянуть ему в глаза, упёрто, дико во-
ротила лицо на сторону.

– И где только тебя, лешего, носило?.. – наконец сдавленно выдохнула Наталья.

– История долгая и жуткая, – внятно, чуть ли не с гордостью проговорил Филипп.

За едой он тоже не поспешил с рассказом, но чуть ли не за каждой ложкой восторженно говорил:

– Как я соскучился по-домашненькому!

– Может, рюмочку?.. – чуть ли не заговорщицки шепнула Наталья. – Я же не без понятия.

– Неси компот! – строго-радостно потребовал Филипп.

А когда он допивал его из трёхлитровой банки, ловко отталкивая языком норовившие проскольз-
нуть в рот дольки яблок, груш вместе с вишенками да смородиной, вдруг из сеней, на всякий случай
низко пригнувшись и придерживая фуражку, в раззявленную дверь кособоко шагнул участковый.

– Я, Наталья, тебе справку о смерти мужа в ЗАГСе выправил... – объявил Юрка Протопопов,
однако близорукостью он не страдал, – так что от слова к слову его голос стал быстро падать и ту-
петь. На «ЗАГСе» он вовсе неукложе тормознул и скovyрнулся на некоего «Зегса», а «выправил»
прозвучало у него почти как «вырвал».

Его тем не менее поняли.

– О чьей смерти?.. – напряжённо, но притом дружески заулыбался Филипп.

Он аккуратно взял из Юркиных рук смертную справку и внимательно прочитал несколько раз.

Младший лейтенант напряжённо вздохнул:

– Плесни нам, Наталья, по стаканчику того самого! Никогда с живым трупом не пил за его здоровье!

Наталья, словно бы несколько ошарашенная, даже чуток пошатываясь, приволокла непечатую трёх-
литровую банку своего знаменитого самогона, старательно, кудесно настоянного на красной рябине.

– А вот это всё – без меня! – весело поморщился Филипп. Кажется, справка ему чем-то очень
даже понравилась. Просто-таки вдохновила его. Сил неких прибавила!

– Мне чуток можно?.. – пискнула Наталья. – Я как мужа живого увидела, так чуть не кончилась
с испуга... А кого же мы тогда схоронили?

Филипп медленно встал:

– Я на погост.

– Сиди! – твёрдо сказал Юрка. – И носа из дому не показывай. Я прежде обязан разобраться, кого вместо тебя на погосте закопали.

Ночью во сне два Филиппа огород у Натальи копали, оба картошку в мешках к сараю таскали, вместе обедали с невиданным жадным аппетитом, а когда оба к ней ещё и в постель полезли, она с глухим воем проснулась: муж, сложив руки на груди, чего за ним никогда не водилось, и чуть откинув назад накосю голову, памятником стоял у окна, весь как измазанный фосфорным лунным светом.

– Теперь у меня, Натаха, новая жизнь начнётся... – просто, с тихой, непривычной для него и какой-то особенной, возвышенной радостью отчётливо проговорил Филипп. – Как щёлкнуло что-то во мне сегодня. Точно я прежний в могиле лежу, а здесь вот перед тобой новый стою! Чтобы новую жизнь начать! Я словно себя впервые увидел и понял, каков он на самом деле этот комбайнёр Филипп Гробовой. Увидел через призму смерти. – Он взволнованно вздохнул, напряжённо выговорив непривычные и малопонятные ему, совсем новые для него слова, почти заумные. Повторил, вздохнув с аккуратной улыбкой: – Да, через призму смерти... И никто мою новую жизнь не остановит. Сил не хватит! Я же по всем земным меркам как бы не существую. Нет меня! А на нет и спроса нет. Если что, я – как с небес сошёл справедливость в этом мире выправить!

Наталья ничего не поняла, но заплакала. Сердце ей так подсказало: не видать им обоим счастья от такого явления Филиппа народу.

Утром Филипп битый час проторчал в приёмной Князева, как будто экзамен на выдержку сдавал. На то время к Ивану Павловичу никто не прорывался, но тем не менее глава крестьянско-фермерского хозяйства с разрешением пропустить до себя Гробового не спешил. До такого напряжения не спешил, что его девчушка-секретарь Алёна с мордашкой, замурованной под самые её фанаберистые глупые глазки антиковидной модной тряпочкой с бабочками, край устала видеть перед собой непривычное по нынешним напряжённым пандемическим временам чуть ли не озорно-радостное, самодовольное лицо их комбайнёра.

Изящным, ныряющим движением руки Алёна мстительно включила на Ютубе какую-то судорожно-лязгающую песенку: «Драли, как Сидр козу, выжимали слезу. Лазал на берёзу я во всякую грозу...»

– Филипп Порфирьевич, а вам рэп нравится?

– Я это как бы... Петрович по батюшке... – вдохновенно улыбнулся Гробовой. – А рэп, Алёнушка, это еда какая или игра?!

– Песня... – хихикнула она.

– Песня – это хорошо. Очень хорошо! – засмеялся Филипп. – Тудыть её в качель!

Счастье его переполняло. Впору делиться им направо и налево.

Тут из кабинета Князева глухо, но всё равно с достаточно отчётливыми строгими нотками наконец донеслось: «Давай этого сюда!»

Гробовой вошёл чуть ли не спотыкаясь: жёсткая, отрывистая скороговорка песни ощутимо, словно нахально, бесцеремонно подталкивала его в спину: «Научиться отдавать, научиться терпеть, научиться не бояться никого, даже смерть».

– Чё пришёл? – наклонил к плечу голову Иван Павлович, точно ему в ухо вода попала.

– Объясниться, как мне теперь с работой быть... – нахмурился Филипп. – Сдавать комбайн Федуне или погодить?

– А что случилось?! – начальственно привстал Князев, словно чтобы лучше видеть весь подвластный ему мир. – Планета наша перевернулась с ног на голову? Или тебя в администрацию президента пригласили?

– Так я же теперь вроде как покойник. Мертвец в чистом виде! – основательно, резонно объявил свою позицию Гробовой.

Князев с такой силой зажмурился, что у него всё лицо напряжённо собралось возле корневого, заглавно выступавшего носа, увенчанного ядрёной бульбой.

Выдохнул Иван Павлович, как резвую тетиву отпустил:

– Да будет тебе известно, что все вы, работнички мои дорогие, как один по кадровым и бухгалтерским бумажкам у меня не числитесь. Вы самые настоящие мёртвые души. Так что ступай, мёртвая душа, а завтра в восемь без опозданий, как штык, быть на утренней разнарядке трезвей трезвого!

– Вот мы с вами к главному вопросу и подобрались... – напряжённо-ласково улыбнулся Гробовой. – Никакого распределения работ не будет, пока вы своих людей не оформите, как полагается.

– Филипп, что я слышу? Тебя ненароком бешеная лиса не цапнула? – властно рассмеялся Князев.
– Со мной в таком тоне не надо бы говорить... – опустил голову Гробовой. – Я единственный в России живой покойник. И у меня через это есть очень особые права и очень большие возможности.

Князев вдумчиво посторожил:

– Личность ты теперь и в самом деле уникальная. Чего тут!

– Значит, поймём друг друга... – сдержанно кивнул Филипп. – Мне завтра кран будет нужен и грузовик. На полдня. Дадите? Я сполна отработаю.

– Иначе и не мысли... – глухо отозвался Князев.

...Выехали двумя большими тяжёлыми машинами по-осеннему мутным утром, по мокроте. В такую бессолнечную пору, между прочим, ноябрьский лист во множестве почему-то весь из себя особенно ярко, напористо цветист, будто имеет изнутри собственный гордый свет. В любом случае лету аминь пришёл однозначно.

Их ненадолго остановили у припотевшего сырьём массивного чёрно-белого шлагбаума, похожего на гигантскую палку великана-гибэдэдэшника, строго и надёжно запиравшего от мелкотравчатого всяколюдства огороженные колючкой земли при здешнем замке. Тот в своей архитектурной ажурности выглядел как декорация к некоей сказке; так что пока из Забугорья не сбегали последние семьи с детишками, родители на большие праздники водили своих малых на курган с той самой Бабой хоть издали полюбоваться на такое удивительное, с витыми башенками строение из рельефного красного кирпича, которое особенно волшебным выглядело по вечерам, заманчиво сияя сине-красно-жёлтыми мозаичными окнами.

– Куда собрался, Филипп?! – обрадовались, увидев его, здешние охранники, тесно окружили, и, несмотря на ковидные нынешние запреты, весело пожимая ему руку.

– Счастье нашему Забугорью возвращать... – дерзко-загадочно проговорил Гробовой. – А может, и всей планете!

– А какое оно?

– Добуду – увидите.

– А как тебя с этим счастьем по дороге гибэдэдэшники тормознут и поделиться прикажут?

Филипп отмахнулся и медленно, предельно аккуратно достал из-под достаточно новой, для выхода «на люди» куртки сложенную вчетверо розовато-сиреневую бумагу с вензелями и ярко-синей гербовой печатью. Это было свидетельство о его, Филипповой, смерти.

Охранники было сгрудились, бегло читая невиданную бумагу, но тут же и отшатнулись. Оглядели Филиппа сосредоточенно, едва ли не с опаской.

– Что вы на меня уставились как на привидение из замка Шпессарт?.. – снисходительно улыбнулся он. – Живых покойников не видали? Эх, темнота...

Никто ему ничего не ответил. Обтекая каплями, шлагбаум поднялся так хватко, словно палаческий топор, занесённый мощным хладнокровным замахом.

Когда Филипп добрался со своей механизированной кавалькадой до областного центра, ворота краеведческого музея по счастливой оказии (не без подмоги их курганной Бабы!?) стояли радушно распахнутые. Забугоренцы без проблем въехали во двор и деловито приступили грузиться. Только Филипп, прежде чем они свою каменную Бабу оплели железными петлями и вознесли стрелой крана, порывисто обнял её, по-сыновьи, и уважительно поздоровался.

Тут, не спеша, подошла к ним из служебной двери аккуратная и очень интеллигентная, невозможно вежливая, но слишком просто, чуть ли не бедно одетая старушка. С непонятной для Филиппа должностью старшего смотрителя, – Леокадия Аполлинарьевна.

– Позвольте поинтересоваться, куда наша мадам собралась?.. Не в гости ли к половецкому хану Кончаку?

– А нам откель знать? Мы не начальство! – дерзко улыбнулся Филипп. – Наше дело нехитрое: бери больше, кидай дальше.

– Тогда, дорогой мой человек, хотя бы фамилию свою на всякий случай назовите.

Баба уже ничком лежала в самосвальном кузове, накрытая выдавшей виды лыковой рогожей.

– Гробовой я... – резко улыбнулся Филипп и решительно достал из-за пазухи своё ядовитое-цветное, с ажурными разводами свидетельство о смерти: бумага – всем бумагам бумага.

Подмигнул озорно:

– Вот вам главный человеческий документ! Тут всё полноценно про меня сказано!

Леокадия Аполлинарьевна вздрогнула, охнула и, попятыся, как-то бессильно, болезненно махнула рукой. Кажется, хотела Филиппа перекрестить, да не вышло.

Только выговорила сдавленно, чуть ли не пристыженно:

– С Богом...

...Вернулся Филипп по скороспелой осенней затеми, всякий год поначалу непривычной, мертвенной и уныло-глухой.

У шлагбаума выглянул из кабины, устало вздохнул:

– Эй, мужики, поднимайте своего часового...

Из будки неспешно появился старший охранник в форме с воющим волком на спине. Стрельнул прямо в глаза Филиппу мощным жёстким лучом фонаря. Как стеганул.

Гробовой осерженно загордился своей выдавшей виды разлапистой ладонью:

– Того, аккуратней. Что выскочил как оглашённый?

– Проверить, что везёшь... – глухо, однако при том достаточно внушительно проговорил начальник смены. – Мы факс получили о краже из областного музея, да не разобрать в нём ни слова... Извини, браток...

Сопя, охранник неспешно полез в кузов самосвала. По неуклюжести движений явно чувствовалась его безразмерно вскормленная увесистость. Вдруг за спиной Филиппа раздался какой-то чвакающий звук, напоминающий неуклюжее обвальное падение чего-то густого, весьма тяжёлого. Кажется, охранник обо что-то неудачно споткнулся там, в кузове, и, не исключено, рухнул на нечто весьма не мягкое. По крайней мере, его убойные матюки так внятно прогрохотали над здешними полями, что их вполне разборчиво могли слышать и за два километра в том самом сказочно красивом ажурном замке с цветными окошками. И если в его подвалах реально обитали привидения, вообще-то обязательные для такого особого строения, то их явно пробила такая судорожная дрожь, что они в ту минуту вполне могли походить на затрепетавшие, отчаянно захлопавшие на ветру мокрые белоснежные простыни.

– Что тут у тебя валяется?... – сказал, как проскрежетал, охранник. – По всему – труп окоченевший?!

– Баба... – вздохнул Гробовой. – Баба каменная! Талисман нашенского Забугорья!

...Бабу установить на вершине кургана мужики долго не могли, хотя все забугоренцы впряглись и даже пришли свободные от службы охранники, которые состояли при шлагбауме. Праздник возвращения Матери матерей пришёлся, не подгадывая, на сугубый день, на Димитровскую субботу родительскую.

Долго никто не хотел расходиться...

На другой день Филипп, по первому и как бы пробному снегу, как через сито просеянному, поклонившись Бабе, вышел на дорогу к их сказочному замку. За час семь километров отмотал.

Перед тяжёлыми коваными воротами поднял над собой, как хоругвь, своё свидетельство смертное.

Три часа простоял на ветру: за это время всё вокруг свежо забелело мелкой снежной крупкой.

Наконец кто-то вышел: благообразный такой дядечка в норковой глянцевой шубе, правда, без шапки, с красным большим шарфом на шее.

– Ты хозяин?! – как-то неуверенно, несколько не своим голосом крикнул Филипп.

– Я мажордом... – умно усмехнулся мужчина.

– Понятно... – вздохнул Филипп. — Мажордом так мажордом... Ты хозяина сегодня увидишь?

– Он в Италии. Вернётся через полгода.

– Тогда позвони ему, что ли. В общем, он нашу реку Студёнку колючкой огородил. А это – не хорошо. Неправильно. Она – общая. Так что пусть отмотает назад такую свою инициативу. Не стоит народ раздражать.

– А он, народ, вообще-то есть здесь или давно в небытие канул? – Мажордом красиво, от души засмеялся. Кажется, он хотел подойти к Филиппу и сердечно потрепать того по плечу, но сдержался. – А колючка выставлена от диких зверей.

– Всё равно убирайте... – вздохнул Филипп. – По-людски надо всё такое.

– А что вы, молодой человек, за бумагу над собой держите? Руки не затекли? – весело прищурил-ся владелец шубы.

– Свидетельство о моей смерти, – веско отозвался Филипп. – Так что с вами живой покойник говорит. Меня как бы нет. И я могу кому надо устроить самую настоящую финскую баню. И мне за то ничего не будет.

– Невиданные места у вас: каменная баба-оберег, покойник говорящий... Здесь чудеса: здесь леший бродит, русалка на ветвях сидит; здесь на неведомых дорожках следы невиданных зверей... – зябко проговорил мажордом с интонациями явно начавшего замерзать человека: ему уже очень хотелось назад, в благодатное тепло, где отличный коньяк, жаркий, разыгравшийся пышным огнём камин и прочее иное для полного удовольствия.

– А шуба у вас дорогая? – ни с того ни с сего спросил Филипп. Как есть ляпнул.

– Что вы сказали?! – поморщился мажордом.

– Ничего. Вам показалось...

Филиппу вдруг стало стыдно за всё плохое, несправедливое на этом свете. Гробовой до боли ощутил несвойственное ему до сих пор чувство: он тоже виноват по-своему, что жизнь изначально устроена неправильно. Но ничего никому не переделать никогда. Никаким прогрессом. Никакими лозунгами. И даже Великая каменная Баба, Мать матерей, в этом вопросе напрочь бессильна.

...Филиппа застрелили на Параскеву великомученицу. Как раз когда он с какой-то новой просьбой ходил к Бабе на курган. Хотя, не исключено, что Гробовой словил затылком шальной охотничий жакан, он же турбинка, рикошетом завернувший свой кручёный полёт в его сторону.

После недолгих поисков возможного горе-охотника дело закрыли распоряжением районного полицейского начальства – других забот неупреждение. Младший лейтенант Юрка Протопопов было принялся настойчиво ходить по кабинетам следователей и доказывать, что с гибелью Филиппа Гробового истина так до конца и не прояснена. Мол, с такой тяжёлой свинцовой пулей разве что на медведя ходят или сохатого, каких здесь полвека уже не видать, а идти с ней на здешнюю тощую лису или отощавшего среди голых полей зайца, всё равно что молотом муху взяться пришибить. Однако все Юркины старания вскоре успокоили лейтенантские звёзды, вдруг упавшие ему на погоны. Протопопов повеселел, приободрился и с особым рвением окунулся ворочать новые дела...

– Нехорошо будет, когда рядом станут два надгробия одному и тому же человеку... – вдумчиво, строго проговорила Наталья, стоя перед похоронами на кладбище возле той первой могилы мужа с князевским пегим памятником из чёрно-серой мраморной крошки.

– Естественно... – хмыкнул Тимофей.

– А если... моего нынешнего Филиппа в другом конце кладбища похоронить? Я там такую красивую, такую стройную берёзку приглядела.

– Что в лоб, что по лбу, Наташа... – накосо, из-за ранения, дёрнулись губы Тимофея. – Тут нужно коренное решение. А какое?

Наталья судорожно всхлипнула:

– Дай закурить...

– Так ты же вроде этой гадостью не балуешься?! – даже отшатнулся Тимофей.

– Давай... И спички... Или жалко куревом поделиться? Эх, мужики, все вы жмоты. Что ты, что Князев ваш.

Дело в том, что на этот раз глава КФК на похороны не расщедрился. Только продукты выписал Наталье из своего ларька на поминки. А остатков лотерейных денег хватило лишь на гроб. Правда, и гроб оказался хороший, и Филипп лежал в нём фасонисто, с достоинством, словно ему наконец открылись все загадки земных бед.

– А ты знаешь, сосед, они у меня, мужья-то покойные, оба в один год и день родились! – вдруг тихо проговорила Наталья.

– Так давай мы их друг над дружкой под одним памятником и упокоим?... – вскинулся Тимофей. – Ещё и деньги на этом сэкономишь, которых у тебя нет. И мне копать по копаному легче будет...

Наталья оглянулась в сторону кургана, накрытого ранним зыбким снежком, и отчётливо, с силой перекрестилась. Потом перекрестилась с низкими поклонами на все четыре стороны. Особенно усердно в ту, где километрах в десяти от Забугорья третью сотню лет росло возвышался остепененный каменной городьбою монастырь, и ту, где их каменная Баба лежала.

– Начинай... С Богом... Никто нас не осудит. А я до батюшки Петра пойду насчёт отпевания...

– Не забудь по пути нашей красавице степной копеечку кинуть... – строго напомнил Тимофей.

Наталья не отозвалась, уже набирала ход, налаживалась: идти в район до Богоявленского монастыря не час и не два, а время, не углядишь за ним, уже завернуло за полдень. А ноябрьские сумерки скорые, глухие...